

А. Н. Плещеев

Житейские сцены

Отец и дочь

Русские повести XIX века 40-50-х годов. Том второй

М., ГИХЛ, 1852

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Губернский город Бобров (на географических картах он называется иначе) ни в чем не отставал от других губернских городов нашей России; по отдаленности своей от обеих столиц он даже сохранил в себе несколько более патриархальной простоты нравов, столь справедливо восхищающей противников всяких нововведений. Все в городе Боброве было основано на чистейшей любви. Каждый почти знал за своим соседом грешки, но никому и в голову не приходило обличать их даже намеком. Все граждане были пропитаны сознанием слабости человеческой природы и тою неопровержимой аксиомой, что "ведь свет не пересоздашь, а следовательно, и толковать об этом нечего". Физиономия города Боброва была тоже из самых обыкновенных. В нем, как и повсюду, можно было найти присутственные места, окрашенные охрой, губернаторский дом с венецианскими окнами и балконом, клуб, где по субботам играли в карты, а по четвергам танцевали: кафедральный собор с протодьяконом, изумлявшим все православие своими легкими; две каланчи, откуда обиженные от природы солдаты пожарной команды видели всегда весьма зорко, где не горело, и, напротив, как-то не замечали, где пожар; заведение, куда взъерошенные и небритые чиновники, со спинами, вечно запачканными в белом, каждое первое число являлись менять благородный металл на согревающие жидкости. Словом, все было как и следует в благоустроенном городе...

В этот-то уголок я и попрошу читателя заглянуть со мной. История, которую я взялся передать ему, случилась очень давно; нынче такие истории не случаются, и многим она может показаться несбыточной, но смею уверить, что хотя я не был очевидцем ее, но знаю о ней из самых достоверных источников.

На одной из узких и немощеных улиц Боброва стоял серенький домик с зелеными ставнями и мезонином. Домик этот занимал казначей одного присутственного места, Василий Степанович Агапов. Внизу помещался он сам, а две верхние комнаты состояли в распоряжении семнадцатилетней дочери казначея Маши, хорошенькой девушки с голубыми глазами, несколько выдавшеюся вперед нижнею губкой и такую стройною талиею, что так и хотелось охватить ее рукой. При входе в маленьки комнатки казначеева жилища у каждого становилось как-то легко и весело на душе. Так ласково глядели они, так было в них уютно, тепло и светло. И голубенькие обои, на которых переливались после обеда золотые солнечные лучи, и мебель обитая черною волосяною материей, и шторы с швейцарскими пейзажами, в которых преобладали желтый и зеленый цвета и стенные часы с розаном на белом циферблате -- все нравилось посетителю, все, бог знает почему, навевало на него какое-то тихое, успокоивающее чувство. Словно делался он добрей переступая за порог этого домика. Тайна этого впечатления, которому подчинялись даже и самые черствые, как морской сухарь, чиновничьи натуры, заключалась в том, что здесь жила женщина, женщина с любящим, добрым сердцем... Во всем сказывалось присутствие этого сердца. Видно было, что не наемная рука заботилась о порядке и чистоте казначейской квартиры. Изысканности, вылощенной чистоты, холодной симметрии здесь не было места. Хотя пыль не сидела на мебели и полы были чисто вымыты, но вам не пришло бы в голову, как приходит иногда при виде других квартир, что хозяйка, верно, воевала за эту чистоту целое утро с заспанною прислугой. Если говорят, что можно судить о характере человека по его библиотеке, то мне кажется, не менее верное заключение можно сделать по квартире, да, пожалуй, еще и по прислуге. Много раз мне случалось подметить, что у доброго и радушного господина прислуга весело смотрит и рада гостям. Так было у казначея. Шинели снимала обыкновенно с входящих горничная Маши Василиса, здоровая и румяная девка с платком на голове и какими-то желтыми бусами на шее; и исполняла она эту обязанность с таким добродушным